

Соснина Е.Л.
(Пятигорск)

**Роль имманентного анализа художественного текста и
литературное осмысление драматизма истории имперской России**

В последнее время возникают острые разногласия по поводу авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия», прочно вошедшего в лермонтовский лирический канон. Несмотря на то, что текст знаменитого восьмистишия неоднократно подвергался научному осмыслению [3; 5; 12; 13; 18; 21; 22], часто такие разногласия носят скорее идеологический, чем научный характер [2; 6; 8; 9; 23; 24]. При этом фактом является отсутствие автографа стихотворения, ставшего впоследствии настолько известным, что предметом его осмысления являются не отдельные стороны русской жизни, а всё самодержавно–крепостническое общество николаевской России. Известно, что отсутствуют автографы около 100 лермонтовских произведений, 42 из которых было опубликовано после 1873 года [4]. В связи с этим особо значимым представляется рассмотрение данного произведения с точки зрения современной филологической науки.

В настоящее время ведущим методом, позволяющим обеспечить целостность и системность подхода к художественному тексту, является имманентный анализ, цель которого – целостное рассмотрение образно-стилистической системы произведения, характеристика семантико-ассоциативных взаимоотношений между языковыми единицами, определение тех «приращений смысла», которые появляются в значении слов под влиянием контекста.

А. Трошин в работе «Общие вопросы анализа литературного произведения» обращает внимание на то, что при анализе текста необходимо не только «...охарактеризовать своеобразие художественной речи, представить гармонизирующую её систему художественных образов, но и проложить «дорогу» к постижению идейной направленности произведения. Эффективность этой работы заметно возрастёт, если в процессе анализа будут приняты во внимание общие особенности речевой организации..., возможности прояснить смысл каждого слова»[20: 180].

Руководствуясь данным мнением, подвергнем лингвистическому анализу буквально каждое слово интересующего нас неординарного поэтического творения, приняв за основу его канонизированный вариант:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

*Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

Пословный анализ текста

Прощай

Стихотворение начинается словом, произносимым при прощании, расставании на длительное время или навсегда. Например, М.Ю. Лермонтов, уезжавший на Кавказ, действительно не мог знать, прощается он с просторами России на длительное время или же навсегда.

Е.П. Ростопчина напишет о Лермонтове в своём стихотворении «Пустой альбом», которое относится к 1841 году:

*Прощался он!.. Как верно сердце в нём
Недоброе, тоскуя, предвещало!*

Приведём параллели с другими лермонтовскими произведениями:

*Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! Шесть букв приносят столько мук,
Уносят всё, что я люблю....*

(М.Ю. Лермонтов, из альбома Е.А. Сушковой).

Как видим, лексема «прощай» характерна для лермонтовского творчества, а её семантика раскрывает отнюдь не желание лирического героя попрощаться навсегда с объектом его внимания, а напротив, отчаяние быть отторгнутым от того, что он любит.

Но далее следует фраза, «взорвавшая» сегодняшних Интернет дебатами по поводу того, мог ли Лермонтов написать подобное:

немытая Россия

Многие посчитали фразу оскорбительной для своей Родины. Именно из-за неё и разгорелся жестокий спор: мог ли это написать Лермонтов? «Немытый» – не самый

распространённый эпитет поэтического слога. Этого прилагательного нет даже в четырёхтомном «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, составленном в 1863-1866 гг. У Даля можно встретить другую производную от глагола «мыть»: «немытыш», «немытик», «неумывака», т. е. «неопрятный, замарашка». Слово «немытый» появляется в позднейших словарях: так, например, «Словарь русской идиоматики» выстраивает такой синонимический ряд: «немытый – аморальный, безнравственный, бесстыжий... не очищенный от грязи, ... неблагопристойный, невымытый, невычищенный, ... нечистый и т.д.»

В поэзии Золотого века слово встречается, пожалуй, лишь у М.Ю. Лермонтова, который использовал его несколько раз. В «Тамбовской казначейше» (1836-1838) он употребляет его с нейтральной окраской:

*Но полк прошёл. За ним мелькает
Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых.*

Куда более интересно другое лермонтовское использование редкого эпитета – в поэме «Монго» («Мунго»): характеризуя своего родственника и друга А.А. Столыпина, он пишет:

*Породы английской он был –
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил **немытый** целый день, ...*

В процитированном отрывке сталкиваются противоположные смыслы: с одной стороны, М.Ю. Лермонтов описывает своего друга и родственника как представителя английской породы, то есть у читателя возникает образ человека чопорного, с хорошими манерами; с другой стороны, как понимать то, что он «ходил немытый целый день»? Поэт сам отвечает на этот вопрос:

*Носил фуражку набекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперёд,
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот...*

То есть, «немытость» Монго – скорее бытовая черта человека, не слишком заботящегося о соблюдении норм и правил общепринятого поведения и этикета [15]. Это уже метафора. И «немытую Россию» надо понимать метафорически, а не буквально.

Интересно также показать, как преломлялось понятие чистоты-нечистоты в масонской антимаонархической традиции.

Понятие «чистых» и «нечистых» трактовалось следующим образом:

«Утверждённый Богом» и «Утверждённый силой».

То есть в данном случае речь идёт (как и в интересующем нас восьмистишии) отнюдь не о телесной гигиене. Противопоставление «Утверждённый Богом» – «Утверждённый силой» ощущается и в знаменитых лермонтовских строках:

*Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя*

Кстати, солнце – также масонский символ. Посмотрим, как тема масонства и чистоты преломилась в русской классике. Обратимся к тексту романа Л.Н. Толстого «Война и мир», к тому эпизоду, где описывается диалог Пьера Безухова и старого масона: «Масон улыбнулся своей кроткой отеческой улыбкой.

– Высшая мудрость и истина есть как бы **чистейшая** влага, которую мы хотим воспринять в себя, – сказал он. – Могу ли я в **нечистый** сосуд воспринять эту

чистую влагу и судить о **чистоте** её? Только внутренним **очищением** самого себя я могу до известной **чистоты** довести воспринимаемую влагу».

Очищение не только в масонской мистической традиции, но и в религиозной осуществлялось через символическое омовение. Но кто же был способен «отмыть» Россию от рабской покорности «утверждённым силой» властителям, от нечистоты греха убийства Пушкина? Уж, конечно не те, кто толпой стоял у трона. М.Ю. Лермонтов обращается к ним, используя именно глагол «мыть», «смыть»:

*И вы не смаете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!*

Итак, в «Смерти поэта» 1837 года, как и в интересующем нас восьмистишии, мы снова видим противопоставление: чёрная (не от Бога) и праведная (поэта от Бога) кровь. Очиститься русский народ может только *внутренним очищением*, но ему мешает рабская покорность. И далее противопоставление «*Утверждённый Богом*» – «*Утверждённый силой*» перерастает в антитезу:

страна рабов – страна господ

Господин – повелитель, начальник, владелец – происходит от старославянского господь – то же, что Бог. Однако в современной Лермонтову России *страна господ* ассоциировалась именно с определением «*Утверждённый силой*».

Гипонимы к слову господин – царь, государь, крепостник, рабовладелец. Антоним – раб, человек, находящийся в собственности у другого:

*Мы все рабы Божьи.
Рабом жить не хочется, господином – не сможется
(русские поговорки).*

Переносное значение – раб греха, раб страстей, т.е. зависимый, угнетённый человек, человек, который полностью подчинил кому-либо, чему-нибудь себя, свою волю, поступки. При этом мы не можем не обратить внимание на чисто лермонтовские литературные приёмы, использованные в стихотворении. Это и синтаксический параллелизм в полустихиях, и анафора и антитеза, которые стали у Лермонтова особенностью идиостилия. Впервые на это обратила внимание Н. Сапрыгина, выполнившая структурный анализ стихотворения, который помог выявить приёмы, характерные для Лермонтова [18].

Приведём примеры антонимичных полустихий в лермонтовских текстах: *привет-укор, тайная – открытая, родина – изгнание*. Антиномия при этом обусловлена романтическим мировоззрением поэта, чётко различающим добро и зло (*рабов – господ*).

Сравним с лермонтовской «Думой» (1838): «...перед властью – презренные рабы».

Как очевидно, в лермонтовское время в *стране рабов* народ подчинён власти. Её выразителями стали

мундиры голубые

Это ещё один яркий образ, созданный в стихотворении посредством метонимии.

Мундир – (возможно - от французского *monture* - снаряжение), верхняя часть военной и гражданской форменной одежды. Военный мундир появился в России в стрелецких полках в XVII веке. Затем в России императоры носили только военную форму. Это было «железное» правило, поскольку они считали себя именно офицерами на троне, то есть мундир стал обозначением власти. Только покидая территорию Российской империи, российский император мог позволить себе носить партикулярное платье. Великие князья свои первые военные мундиры надевали в раннем детстве. Часто парадные мундиры были голубого цвета.

Впоследствии формирование в составе полиции, имеющее военную организацию, получило название жандармерия (от французского *gensd'armes* – вооружённые люди) – в средние века так назывались дворяне, служившие в лейб-гвардии французских

королей. Французские жандармы долго хранили свои дворянские традиции. В 1791 г. французское революционное правительство, уничтожив прежнюю земскую полицию (*maréchaussée*), сформировало корпус жандармов для наблюдения за сохранением порядка в армиях и внутри государства. В России в 1827 г. был образован особый корпус жандармов, который становится исполнительным органом III отделения.

Метонимическое обозначение жандармов требует соответствующих исторических знаний: в XIX в. форменной одеждой жандармов были мундиры голубого цвета. Сочетание «голубой мундир» применительно к жандармам впервые зафиксировано «Национальным корпусом русского языка» в дневнике А.В. Никитенко за 1830 год: «Но и тут известные особы в *голубых мундирах* спешили приводить в надлежащие формы каждое свободное движение».

Узнав об учреждении корпуса жандармов, имевшего голубые мундиры, Ермолов сказал: «Теперь у каждого или *голубой мундир*, или голубая подкладка, или хотя бы голубая заплатка».

Из «Записок» этого же времени Ф.Ф. Вигеля: «*Голубой мундир*, ото всех других военных своим цветом отличный как бы одеждой доносчиков, производил отвращение даже в тех, кои решались его надевать».

Декабрист, современник М.Ю. Лермонтова, Н.И. Лорер сообщает в своих записках: «Со смертью Лермонтова я заметил, что прежде в Пятигорске не было ни одного жандармского офицера, но тут, бог знает откуда, их появилось множество, и на каждой лавочке отдыхало, кажется, по одному *голубому мундиру*» [11].

А.И. Герцен в «Былом и думах» вспоминал: «Писаря, адъютанты, офицеры – *всё было голубое*». Далее у него появляется «*голубой полковник*» и «*голубая кошка*» как метафора жандарма-соглядатая.

Так что, как мы видим, в своё время словосочетание «голубой мундир» было знаковым и чрезвычайно популярным, как, например, в сталинский период было знаковым выражение «чёрный ворон».

Исходя из этого, одна из версий о том, что подобное сочетание слов, замеченное в пародии Д. Минаева на лермонтовского «Демона» 1874-1880 годов, доказывает его причастность к написанию «Немытой России» [9] элементарно не выдерживает критики. Отметим также, что именно у М.Ю. Лермонтова слово «мундир» неоднократно используется как вид метонимии – название части вместо названия целого, частного вместо общего и наоборот:

*Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры о русские штыки?..*

И ты, им преданный народ

В данном случае нам представляется, что определение «преданный» *не является гиперболой*. Вообще «предать» – весьма коварный по смыслу глагол русского языка. Он многозначен. Интересно, что в русском языке одним и тем же словом обозначаются диаметрально противоположные понятия – преданность и предательство.

Предавать – заимствованное слово из старославянского, где первоначально значило «передавать» (кому-то, врагу, например), далее «сообщить» (предать огласке). В значении «*предавать кого-то*» – вероятно, калька с греческого.

А вот в значении *верный, постоянный* – это уже поздняя, собственно русская калька с немецкого: *Erheben – sichergeben* «*посвящать себя*».

У Лермонтова встречаются разные смыслы слова «преданный»:

*И новым преданный страстям
(М.Ю. Лермонтов «Расстались мы, но твой портрет...»)*

*Я, так же, как и Печорин,
предавался безумным мечтам о счастье...
(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»)*

«Преданный Вам Лермонтов»

(Этикетная формула прощания).

И ещё пример лермонтовского стихотворения, кстати, так же, как и «Прощай, немытая Россия», неизвестного в автографе и впервые напечатанного в середине семидесятых годов XIX века (заметим, никто при этом не оспаривает его авторство!):

Воображением, предчувствием томимый,

Я предавал свой ум мечте непобедимой

(М.Ю. Лермонтов. «Первая любовь» 1830-31 гг.

Автограф неизвестен. Копия ИРЛИ. Впервые опубликовано в «Саратовском листке», № 256, 1875 г.).

В историческом контексте мы также сталкиваемся с различными значениями слова «преданный»: «Лермонтов за поединок **был предан** военному суду» (А.П. Шан-Гирей, Русское обозрение, 1890, кн. 8, С. 748–750). «Пугачёва **предали** законной власти и правосудию». Когда Пугачёва предали власти и правосудию, он получился **преданным** этой власти и этому правосудию, но отнюдь не душой своей.

Именно в таком смысле, на наш взгляд, оказывается **преданным** в известном восьмистишии народ, что отметил И.Л. Андроников в своём подробном комментарии к стихотворению о «немытой России» в четырёхтомнике произведений М.Ю. Лермонтова, вышедшем в 1983 году [10].

Все вышеприведённые примеры нужны нам лишь для того, чтобы рассеять недоумение современного читателя: «Как народ может быть предан *голубым мундирам?*».

Быть может, за стеной Кавказа

Н.Н. Скатов в порядке опровержения лермонтовского авторства строк разбираемого нами произведения усмотрел фактический изъян в словосочетании «за стеной Кавказа» – «*в то время как Лермонтов ехал служить на Северный Кавказ, то есть, строго говоря, не доезжая до его стены*» [19: 8]. Судя по приведённой цитате, любопытное словосочетание **Стена (хребет) Кавказа** воспринимается критиками литературы как географический термин. А.В. Очман, полемизируя со Н.Н. Скатовым, демонстрирует именно такое понимание: «*Хотелось бы довести, - пишет он, - до сведения уважаемого автора: поэт по приказу свыше переводился из гвардии в армейский Нижегородский драгунский полк, находившийся тогда в Грузии, т.е. как раз «за стеной Кавказа»*» [15].

Однако ещё И.Л. Андроников в своё время обратил внимание на авторскую замену географического термина метафорическим, создающим поэтический образ, что явствует из наличия нескольких вариантов текста, отражающих последовательные слои творческой работы его создателя [1].

Действительно, в варианте «за хребтом Кавказа» чувствуется географическая неопределённость. Географически Кавказ представляет собой несколько параллельно тянувшихся с северо-запада на юго-восток (от Чёрного до Каспийского моря) хребтов, каждый из которых имеет своё название: Лесистый, Пастбищный, Скалистый, Боковой, Водораздельный.

Если вы пересечёте Лесистый хребет, то окажетесь за хребтом (со стороны России), но на Северном Кавказе. Точно также на Северном Кавказе вы будете, если пересечёте ещё три хребта. И только переправившись через Водораздельный хребет, вы попадете в Закавказье (название опять-таки отражает взгляд со стороны России). Поэтому при опоре в стихотворении на такое понимание словосочетания «за хребтом» бессмысленна, т.к. мы не знаем, за каким хребтом должен оказаться лирический герой.

Стена Кавказа – на наш взгляд, это уже метафора, кстати, часто употребляемая М.Ю. Лермонтовым. Так, выражение «стены гор» встречаются во многих его

творениях: «Полувоздушной стеною Нагие тянутся хребты» («Моряк»). «И ровны, прямы, как стена, По берегам темнеют горы» («Черкесская песня»), «Вдали тянулись розовой стеной, Прощаясь с солнцем, горы снеговые» («Аул Бастунджи»), «Стеной умели так высоко Громады скал нагромоздить» («Вид гор из степей Козлова»), «...синелись зубчатою стеной горы» («Герой нашего времени»), «...утёсы синее и страшнее, и наконец они, казалось, сходились непроницаемою стеной» («Герой нашего времени»).

Сокроюсь

Далее следует лексико-фонетический архаизм *сокроюсь* (вместо *скроюсь*), использованный по традиции как поэтическая вольность (сравним у А.С. Пушкина: *Подымем стаканы, Содвинем их разом*). Чаще всего используется как книжная, устаревшая или поэтическая форма, как, например, у А. Кольцова: «В этой сказке цель сокрыта».

М.Ю. Лермонтов неоднократно обращался к этой форме в своей поэзии:

Немой восторг спеша *сокрыть*,
Невинной дружбы тяжкий опыт
Ему решилась предложить ...
(М.Ю. Лермонтов «Гамбовская казначейша»)

Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне бесценный...
(М.Ю. Лермонтов «Прекрасны вы, поля земли родной...»).

Интересно также, что данная словоформа происходит от православной лексики, что возвращает нас к идее о молитвенной стене Кавказа.

От твоих пашей

Паша – титул высших военных и гражданских сановников в султанской Турции и в Египте. Покровитель-Властитель – Паша держал в рабском подчинении население восточных стран. Паша – это также почётный титул высших должностных лиц в Османской империи. С середины XIX века его стали носить генералы турецкой армии. Отметим при этом, что у Лермонтова многие произведения имеют «восточный акцент». Так, в юности он активно интересуется политикой. Однако открыто высказывать свои взгляды не решается по той причине, что ещё свежи воспоминания о расправе над декабристами. Тем не менее, в 1829 году он пишет стихотворение «Жалобы турка», которое будет напечатано лишь спустя полвека в Германии, да и то после тщательной правки цензурой. На это были свои причины, ведь в стихотворении речь идёт совсем не о Турции, которая в тот период переживала не самые лучшие времена, а о России. Слова, вложенные в уста иноверца, вполне применимы по отношению к русским. И провести эту параллель совсем не сложно, если внимательно вчитаться в строки, которые в настоящее время стали бессмертными.

В Турции того времени царил тирания, однако это не мешает читателю проводить параллели и делать выводы, которые поражают своей безысходностью и прямолинейностью. Да и сам Лермонтов в финале стихотворения почти открыто признаётся в том, что именно он подразумевает в написанных выше строках, отмечая: «Друг! Этот край... моя отчизна!». Постскриптом стихотворения и вовсе развеивает последние сомнения, так как поэт просит у читателя прощения «за свободные намеки». Более того, он подчёркивает: «Пусть истину скрывает ложь: что ж делать? – все мы человеки!». После подобных признаний уже ни у кого не остаётся сомнений, о чём именно речь идёт в данном стихотворении и какой стране оно посвящено.

Следует отметить, что стихотворение «Жалобы турка» написано в форме письма, адресатом которого является весь русский народ. Во второй половине XIX века оно стало гимном первых революционеров и символом свободы.

Что касается «пашей», якобы, нигде более не встречающихся у Лермонтова, как утверждают иные авторы, касающиеся в своих публикациях данной темы [8], отметим, что «турецкие мотивы» у него не так редки. Выше говорилось о стихотворении «Жалобы турка», содержащем намёки на Россию. Сравнение «как турок» мы находим в «Валерике» и в поэме «Хаджи Абрек». Есть у Лермонтова и прозаическое произведение «Ашик-Кериб. Турецкая сказка», в котором... шесть раз встречается слово «паша». Контекст связывает пашу и произвол: *«иди с нами, к великому паше, закричали они, или ты отвечаешь нам головою»*. — *«Я человек вольный, странник из города Тифлиза, говорит Ашик-Кериб; хочу пойду, хочу нет; пою, когда придётся, — и ваш паша мне не начальник»*; — *однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше*. Упоминание турок содержится в пьесе «Странный человек», и там снова встречается слово «паша».

Интересно также, что М.Ю. Лермонтов рисовал турецкого пашу. Известен его рисунок (пастель) 1833 года, ныне хранящийся в фонде ГАРФ, изображающий портрет турецкого паши.

Итак, мы привели неоспоримое доказательство того, что слово «паша» находилось в лермонтовском лексиконе, а тема восточного правителя и произвола власти, а также рабской покорности ей, прослеживается в нескольких произведениях поэта.

От их всевидящего глаза

Всевидящий глаз, или Всевидящее око, или лучезарная дельта – широко известный масонский символ, подразумевающий Великого Архитектора Вселенной, наблюдающего за трудами вольных каменщиков. Изображается как глаз, вписанный в треугольник.

В интересующем нас восьмистишии понятие Всевидящего ока, популярное в масонской антимонархической традиции, переносится на утверждённый силой порядок, с которым связаны доносы, соглядатайство. Отметим также, что слово *всевидящий* используется в церковнославянской и в религиозной мусульманской традиции как одно из имён Аллаха. Таким образом, мы вновь возвращаемся к основной осевой конструкции: «Утверждённый Богом» – «Утверждённый силой», составляющей основную смысловую антитезу рассматриваемого нами произведения.

Далее используется излюбленная Лермонтовым анафора и синтаксический параллелизм.

От их всеслышащих ушей

Редкий в поэтической речи словообразовательный неологизм *всеслышащих (ушей)* создан по модели церковнославянского слова *всевидящий* (ср. в Патерике Печерском XIII в.: «...мняхъ сие укрыти от *всевидящего* Бога»), или же по модели восточного религиозного понятия об одном из имён Аллаха.

Именно М.Ю. Лермонтов использует подобные эпитеты-неологизмы. Так, например, в лермонтовской «Молитве» 1829 года встречается подобное выражение: «всесожигающий костёр». Это крайне редкое явление в поэзии Золотого века. Создание подобных неологизмов – на грани языковых экспериментов, осуществлявшихся в так называемой поэзии «формульного типа», начало которой положил В.Г. Бенедиктов, а продолжением стало творчество М.Ю. Лермонтова. По мнению Б. Эйхенбаума, это была уже другая поэзия. Например, в стихах А.С. Пушкина и поэтов школы «гармонической точности» мысль была глубокой, но не выпирала из ткани стихотворения. Поэзия Бенедиктова и вслед за ней поэзия Лермонтова – принципиально иная, здесь речь идёт именно о поэзии «формульного» типа [22]. То есть начинают слагаться стиховые формулы, придающие стихотворению особый смысловой вес и рельефно выступающие на фоне остальных строк.

В связке с предыдущей лексемой языковая параллель *всевидающий* – *всеслышающий* может быть рассмотрена как скрытое сопоставление с двадцать седьмым и двадцать восьмым из 99 имён Аллаха, упоминаемых в Коране:

27. **Ас-Сами** (Всеслышаший).

28. **Аль-Басыр** (Всевидающий).

Такое скрытое сопоставление усиливает тему восточного деспотизма и рабской покорности, соотносясь также с лексемой «паша». Таким образом, буквально в нескольких словах в тексте стихотворения даётся ёмкая характеристика двух духовных составляющих имперской России: с одной стороны – это европейская составляющая, пришедшая с темой масонства; с другой стороны – восточная, глубоко проникшая в русскую культуру (христианство по восточному типу; образ Византии, испокон веков привлекавший внимание русского человека, претерпевший трансформацию в султанской Турции).

При этом автор восьмистишия показывает, что речь идёт не о Творце, которому как высшей сущности не нужны органы чувств, чтобы быть *всевидающим* и *всеслышающим*, а о тех, кто возомнил себя вершителями судеб. Это приращение смысла достигается прибавлением лексем «глаза» и «ушей», добавляющих в контекст нотку иронии.

Таким образом, в стихотворении «Прощай, немытая Россия» все языковые средства – и лексические, и синтаксические – служат наиболее полному раскрытию темы, в конечном счёте, всего художественного текста.

Трудно не согласиться с мнением кандидата филологических наук, доцента кафедры Социальной и прикладной психологии Одесского национального университета им. Мечникова Н.В. Сапрыгиной: «*Стихотворение, авторство которого оспаривается, есть бесспорный шедевр. Парадоксальность содержания – горькие слова о России и любовь к ней – воплощена в форме, обладающей гармонией и симметрией. Автор, виртуозно владея техникой стихосложения, умеет передавать чувство красоты в стихе. Это говорит об огромном таланте*»[18]. Талантом такой величины мог быть только М.Ю. Лермонтов. Текст стихотворения вполне соответствует его идиостилю.

Добавим, что произведение имеет свою собственную судьбу, оказывая влияние на дальнейший литературный процесс. Оно вызвало восхищение В.Г. Короленко [7]. В своё время Марина Цветаева выбрала для перевода на французский язык именно стихотворение «Прощай, немытая Россия».

Adieu, pays mangé des puces!
Pays de serfs, pays de grands!
Adieu, gendarmes bleu de Prusse,
Adieu, esclaves-paysans!
Peut-être que ces monts de glace
Me cacheront à tes pachas,
A leur regard qui tout embrasse,
A leur pouvoir au trop long bras.

В её переводе ключевым является слово «pouvoir» – «власть», т.е. М. Цветаевой было очевидно, что стихи направлены против власти, но не против России. Эта точка зрения ещё раз подтверждает, что мы имеем дело с литературным осмыслением драматизма истории имперской России.

Таким образом, имманентный анализ художественного произведения показывает, что классическая лермонтоведческая исследовательская традиция не имеет оснований для того, чтобы сомневаться в авторстве интересующего нас стихотворения.

Библиографический список:

1. Андроников И.Л. Комментарий к стихотворению «Прощай, немытая Россия» // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4 томах. М.: «Художественная литература», 1993. С. 351-356.
2. Бушин В. Курьёз с шедевром. «Слово», 1989, №10.
3. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
4. Витковская Л.В. Концепция образа автора в теории В.В. Виноградова // Вестник ПГЛУ. 2003. № 4. С. 48-52.
5. Голованова Т.П. Рукописи Лермонтова // ЛЭ. М.: «Советская энциклопедия», 1981. С. 478-480.
6. Динесман Т.Г. «Прощай, немытая Россия», стих. Лермонтова (1841) // ЛЭ. М.: «Советская энциклопедия», 1981.
7. Клечёнов Г. Об одной очень старой мистификации // Литературная Россия. 1994. №7.
8. Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. М., 1988.
9. Краснов П. «Прощай, немытая Россия»: Лермонтов этого не писал // Культура, 2014, 3 февраля.
10. Кутырёва А.А. Кто был автором стихотворения «Прощай, немытая Россия»? Лермонтов. Тайны жизни и творчества; под ред. Д.А. Алексева. М., 2014.
11. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4 томах. М.: «Художественная литература», 1983. С. 351-356.
12. Лорер Н.И. Из записок декабриста // Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989.
13. Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.-Л. 1964.
14. Миллер О.В. Кто прощался с немытой Россией, уезжая на Кавказ? // Рус. литература. М., 2005, № 3. С.216-20.
15. Морозова Л. И. «Синие горы Кавказа, приветствую вас» // Северный Кавказ в истории России. XIX век. М. 2004.
16. Очман А.В. Ещё раз об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия» // М.Ю. Лермонтов: межкультурный диалог на Евразийском пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения поэта. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 174-193.
17. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ: пер. с англ. М., Изд-во: «Ладомир», 2004.
18. Пигарев К.В. Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия» / Изв. АН СССР, 1955, т. 14, вып. 4. С. 372-73.
19. Сапрыгина Н.В. И всё-таки Лермонтов! // Докса. Зб. Наукових прац з філософії та філології. Вип. 10. Стратегії інтерпретації тексту: методи і межі їх застосування. Одеса, ОНУ, 2006. С. 264-272.
20. Скатов Н. Всеведение поэта // Литературная газета. 2004. № 38-39.
21. Трошин А. Общие вопросы анализа литературного произведения. М., 2015.
22. Шанский И.М. «Прощай, немытая Россия...» М.Ю. Лермонтова // Русский язык в школе. 2001. № 1.
23. Эйхенбаум Б.М. О прозе, о поэзии: Сб. ст. // Б.М. Эйхенбаум; Вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1986. 453 с.
24. Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия...» // Звезда. 2004. № 2. С.208.